

УДК 94(477)

И.И. Маслова

УРОКИ «ВОСТОЧНОГО ПОХОДА» ГИТЛЕРА В ОЦЕНКАХ ИДЕОЛОГОВ НАЦИЗМА И ГЕНЕРАЛОВ ВЕРМАХТА

У статті на підставі аналізу історичних джерел – протоколів, мемуарів і щоденників – наведені оцінки «східного походу» Гітлера з боку ідеологів нацизму і генералів вермахту.

Ключові слова: Радянський Союз, Росія, Німеччина, «східний похід», нацизм, вермахт, ідеологія.

В статье на основании анализа исторических документов – протоколов, мемуаров и дневников – приведены оценки «восточного похода» Гитлера со стороны идеологов нацизма и генералов вермахта.

Ключевые слова: Советский Союз, Россия, Германия, «восточный поход», нацизм, вермахт, идеология.

In the article on the basis of analysis of historical documents - protocols, memoirs and diaries - estimations over of "east hike" of Hitler are brought from the side of ideologists of nazism and generals of verмахта.

Keywords: Soviet Union, Russia, Germany, "east hike", nazism, verмахт, ideology.

Вторая мировая война, будучи событием планетарного масштаба, продолжает привлекать внимание мировой науки и общественности. В послевоенные годы получили распространение неоднозначные оценки уроков этой войны и роли России в борьбе с фашизмом.

Спустя более 67 лет после завершения самой кровопролитной в истории человечества войны *интересно предоставить слово главному противнику России (СССР) – в лице идеологов нацизма и генералов вермахта*, кого невозможно заподозрить в «урапатриотическом» отношении к нашей стране. Исторические документы – протоколы, мемуары и дневники – помогут воспроизвести мысли тех, кто был причастен к тем роковым событиям.

Какой предстала в их глазах Россия: ее территория, народ, армия, идеология и культура? Как на смену первоначальным замыслам «покорителей Европы» пришло осмысление результатов собственных деяний? Какие уроки ими были извлечены? Проанализируем перемены в оценках и настроениях противоположной стороны.

Замыслы Гитлера. Вся военная подготовка агрессии исходила из предпосылки, что Красная Армия будет побеждена в течение шести недель в колоссальных битвах на окружение. Не позже зимы должна быть достигнута линия Архангельск—Волга—Астрахань.

После этого будут решены четыре главные задачи.

Первая: «уничтожение руководящих слоев» государства и «их биологических корней», под чем подразумевались партийно-государственная система, интеллигенция, военные, истребление евреев. Вторая: резкое сокращение славянского населения. Третья: создание четырех «рейхскомиссариатов» («Остланд», «Украина», «Московия», «Кавказ») для охраны германского господства, а также с целью исчезновения у оставшегося населения «воспоминаний о великом русском государстве». Четвертая: создание автаркического «великого пространства», которое «могло бы противостоять перманентной блокаде».

Так должны были складываться основы нового непобедимого «Германского рейха немецкой нации». Это неизбежно «обрекало на голод миллионы людей». Но здесь, считали нацисты, заключено благо: «биологическая сила славянства» будет подорвана. Уже в мае 1941 г. были отданы указания о создании «экономического штаба Восток», который будет руководить тотальным разграблением Советского Союза. Произойдет «завоевание про-

странства» для поселения германских колонистов в самых плодородных, а в политическом и стратегическом отношении важнейших областях. Завоеванная Россия будет для Германии тем же, что Индия для Англии.¹

Оценка потенциала России. Гитлер и его ближайшие военные советники не считали Советский Союз серьезным противником, который способен устоять под ударом германского меча. Такая оценка вытекала не только из расово-идеологических, но и стратегических установок. В Германии было известно, что в результате репрессий Красная Армия была подорвана физически, интеллектуально, морально, нравственно. Развитие военной теории затормозилось. Гитлер говорил Кейтелю в период подготовки нападения на СССР: «Первоклассный состав высших советских военных кадров истреблен Сталиным». Начальник генерального штаба Гальдер в мае 1941 г. записал в своем дневнике: «Русский офицерский корпус исключительно плох. Он производит худшее впечатление, чем в 1933 г, России потребуется 20 лет, пока она достигнет прежней высоты». Это, конечно, был просчет немцев. Но для общей оценки такого рода имелись основания.²

Перед «восточным походом» Отдел иностранных армий Востока генерального штаба сухопутных сил концентрировал идущие из всех источников материалы и периодически составлял «обзоры», в которых особое внимание обращалось на численность Красной Армии, моральное состояние войск, уровень командного состава, характер боевой подготовки. Генштабисты стали изучать неведомую им Россию, помня о том, что в прошлую мировую войну один весьма крупный лидер Антанты, слывший знатоком, долгое время считал, что Харьков — это русский генерал. Все интересовались походами в Россию Карла XII и особенно Наполеона, читали Толстого, особым вниманием пользовались мемуары тогдашнего французского посла в Петербурге Коленкура. В книгах старательно выискивались детали военно-оперативного порядка, характеризующие театр военных действий, особенности снабжения, организации обозов и т. д. Но как-то само собой разумеющимся оказалось полное невнимание к тем политическим, социальным и национальным проблемам опыта прошлого, которые объясняли поражение обоих завоевателей.

История оказалась непонятой в главном: в отрицании самой идеи возможности завоевания России. Арман Коленкур некогда нашел в себе мужество прямо сказать Наполеону: поход на Россию может оказаться гибельным. В известной продолжавшейся семь часов подряд беседе в июне 1811 г. он говорил: «Это не будет мимолетной войной. Придет время, когда ваше величество вынужден будет вернуться во Францию, и тогда все выгоды перейдут на сторону противника». Наполеон высказал мысль, что Россия подпишет мир после одного-двух проигранных сражений. Коленкур ответил, что император ошибается: «У русских чувство патриотизма преобладает над всеми другими чувствами, оно крепко сплотит их и доведет до героизма».³

Ничто подобное не интересовало тогда тех, кто старался вникнуть в историю похода Наполеона. Все вращалось вокруг таких понятий, как большие пространства, русская зима, трудности снабжения. Никто из военных, штудировавших историю 1812 г., не мог и подумать, чтобы в результате своих изысканий поднять голос против решения вообще. Они хорошо продемонстрировали, насколько опасно брать из истории только то, что хочется, и не воспринимать ее целиком. Позже мы увидим, насколько педантично воспроизводили немецкие генштабисты некоторые схемы подготовки вторжения, выработанные в те далекие времена, и как, повторяя эти схемы, дублировали просчеты, в них заложенные.

Судя по высказываниям Гитлера и некоторых высших генералов, они свыклись с мыслью, что рейх вполне способен быстро победить Советский Союз. Выступая перед руководителями вермахта осенью 1939 г., Гитлер не преминул, между прочим, сказать: «Россия в настоящее время опасности не представляет, а ее вооруженные силы имеют низкую боеспособность». Еще раньше он уверял венгерского премьер-министра: «Россия практически не в состоянии вести войну». Фюрер говорил: «Через три недели мы будем в

Петербурге». В другой раз он заявил болгарскому посланнику: «Советская Армия — это не более чем шутка». Гитлер делал вывод: «Если этот колосс правильно и решительно атаковать, то он будет разбит быстрее, чем может предполагать весь мир». Аналогичные мысли перед нападением на Советский Союз высказывали Кейтель, Йодль, Паулюс, Гальдер. Последний говорил начальнику венгерского генштаба: «Советская Россия, как оконное стекло: нужно только раз ударить кулаком - и все разлетится в куски»⁴. Большинство высших офицеров, непосредственно примыкавших к фашистскому политическому руководству, поддались влиянию его «авторитета» и безапелляционным суждениям Гитлера. Эти офицеры вслед за фюрером склонялись к преуменьшению советской военной мощи. Маннергейм в мемуарах писал, что для Гитлера, как следует из его заявления, сделанного в 1942 г. вооружение русских оказалось «величайшей неожиданностью». Когда генерал Гудериан, накануне войны, сообщил в своей книге «Внимание, танки!» о наличии в Советском Союзе большого их числа, его осмеяли и назвали паникером.

Но была и другая группа офицеров, чей авторитет в политических кругах рейха был весьма незначительным, но которая по разным причинам знала возможности Советского Союза лучше. Они предостерегали высшее руководство от недооценки будущего противника и от поспешных выводов. Посол в Москве Шуленбург считал войну в России трудным и опасным предприятием. Он прилагал усилия, чтобы не усугублять отношения с Советским Союзом. Весной 1941 г. принял участие в составлении меморандума, чтобы предостеречь Гитлера от недооценки оборонной мощи Советского Союза и доказать колоссальный риск этой войны для Германии. Посол поехал в Берлин, чтобы изложить свое мнение Гитлеру. Вскоре он вернулся в Москву и своим друзьям сказал: «Жребий брошен. Война неизбежна».

Задача наступления определялась так: «Конечной целью операции является выход на рубеж Архангельск — Волга... В случае необходимости оставшаяся у России последняя промышленная область на Урале может быть парализована с помощью авиации». Нацисты полагали, что на Урале у Советского Союза — «последняя промышленная область». В документе генерала Томаса говорилось: «Если удастся в общем и целом уничтожить индустрию Урала, то военная промышленность, оставшаяся в » азиатской части, больше не будет иметь никакого значения». После занятия европейской части Советского Союза в его распоряжении, согласно подсчетам штаба Томаса, останется в «азиатской России» лишь 2% промышленности, производящей вооружение. Сибирский и Дальневосточный регионы не принимались во внимание.⁵

Сопrotивление «красного колосса». Первые месяцы кровопролитных боев на территории России убедили противника, что Красная Армия будет отчаянно сопротивляться, несмотря на неблагоприятное для нее развитие событий. Даже генерал Гудериан, получив донесение о ходе боев, сказал офицеру связи: «обороной Бреста надо восхищаться». По выводу начальника печати МИД Германии при Гитлере П. Шмидта, использовавшего псевдоним П. Карелл, оборона Либавы «была организована блестяще. Солдаты хорошо вооружены и фанатически храбры... Войсковые подразделения, не считаясь ни с чем, жертвовали собой, чтобы выручить крупные соединения. Они показали наилучшие элементы советского военного искусства. Этот метод действий принес наступающим тяжелые потери».⁶ Генерал Гальдер записывал в дневнике: «Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя с дотами, не желая сдаваться в плен».⁷ Однако, общая ситуация оказалась для советских войск настолько сложной, что отход был неизбежен.

Оккупационный режим – попытка укрощения «русского медведя». Со скрупулезной точностью фашистские главары начали осуществлять программу порабощения и истребления «низших рас» в России. Наступающие войска вермахта открывали путь для следующей за ними карательной-полицейской машины. Нацисты отбросили все нормы международного права, все конвенции и договоры, касающиеся ведения войны, обращения с местным населением и с военнопленными. Проводился тотальный геноцид.

Страшную политику истребления нацистский аппарат стал осуществлять на оккупированных территориях Советского Союза. Приказ Кейтеля гласил: «Войска обязаны применять любые меры без ограничения, направляя их даже против женщин и детей». В «Двенадцати заповедях поведения на Востоке» говорилось (6-я заповедь): «Вы должны уяснить себе, что вы на целое столетие являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции в новой Европе. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых требует от вас государство».⁸

Партизанское движение в тылу нацисты считали незаконным, оно «стало настоящим бичом, сильно влияя на моральный дух фронтовых солдат».⁹ Но, с их точки зрения, партизанская война имела и свои преимущества: «она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас. Самое основное... все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужого войска... Никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немца. Гигантское пространство должно быть, естественно, как можно скорее замирено. Лучше всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд». Эта установка была реализована для вермахта в указаниях Кейтеля: «Человеческая жизнь в странах, которых это касается абсолютно ничего не стоит... Устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости». Эти распоряжения выполнялись неукоснительно. Партизаны истреблялись войсками в бою или при бегстве. Все другие враждебные действия вражеских граждан против вермахта, его служащих, пресекались на месте чрезвычайными мерами вплоть до уничтожения нападающих. Против населенных пунктов, из которых были предприняты коварные действия или атаки в тыл, немедленно применялась сила в массовых размерах (т. е. уничтожались все жители). Существовали отряды палачей в зоне военных действий «по выполнению задач для экзекуций гражданского населения». Единственная оговорка: массовые казни не должны были совершаться на глазах войск, т.к. это могло «повлиять на их боевую мораль».¹⁰

«Приказ о комиссарах» требовал немедленного расстрела всех пленных политработников. Последними из этой серии приказов были так называемые «принципиальные указания о поведении войск в России». Там говорилось: «1. Большевизм - смертельный враг национал-социалистского немецкого народа. Германия ведет борьбу против этого разлагающего мировоззрения и его носителей. 2. Эта борьба требует беспощадных и решительных действий против большевиков, партизан, саботажников, евреев и полного устранения любого активного или пассивного сопротивления».¹¹ Гудериан писал об «обстоятельстве, которое впоследствии самым пагубным образом отразилось на авторитете Германии»: «Обозревая прошлое, можно только с болью в сердце сожалеть, что эти приказы не были задержаны уже в главном командовании сухопутных войск. Тогда многим, храбрым и безупречным солдатам не пришлось бы испытать горечь величайшего позора, легшего на немцев. Независимо от того, присоединились ли русские к Гаагскому соглашению о ведении войны на суше или нет, признали ли они Женевскую конвенцию или нет, немцы должны были соотносить образ своих действий с этими международными договорами и с законами своей христианской веры. Война и без этих строгих приказов легла достаточно тяжелым бременем на плечи населения страны противника, которое, так же как и население нашей страны, не было в ней повинно».¹²

Откровения нацистского генерала могут показаться лицемерными. Но, действительно, были примеры гуманного обращения оккупантов с местным населением. В частности, автор статьи сумела написать эти строки благодаря безымянному немецкому солдату. На проселочной белорусской дороге он не выстрелил в восьмилетнюю девочку – «восточницу», дочь красного командира, бежавшую в лес, чтобы спастись от угона в концлагерь. Эта девочка - моя мама. Она до сих пор помнит то страшное мгновение, когда, окаменев от

ужаса, смотрела, как патрульный солдат с автоматом наперевес приближался размеренными шагами. Он остановился напротив и вдруг, развернувшись, пошел в обратную сторону. Его пуля могла перечеркнуть жизни еще не родившихся детей и внуков моей матери. Через годы и расстояние хочется поблагодарить тех немецких солдат, которые в условиях страшной войны проявляли милосердие.

В мемуарах Гудериана можно встретить примеры бережного отношения немцев к культурному наследию России. Генерал вспоминал, что, воспользовавшись своим посещением позиций в Смоленске, он осмотрел кафедральный собор, который остался невредимым. «Серебряный алтарь и подсвечники, видимо, пытались спрятать, но не успели сделать это до нашего прихода в город. Во всяком случае, все эти чрезвычайно ценные вещи лежали кучей в центре собора. Я приказал найти кого-нибудь из русских, на кого можно было бы возложить ответственность за сохранение этих ценностей. Нашли церковного сторожа — старика с длинной белой бородой, которому я передал через переводчика, чтобы он принял под свою ответственность ценности и убрал их на место. Ценнейшие позолоченные резные рамки иконостаса были в полной сохранности. Что стало потом с собором, я не знаю»¹³. Но подобные факты, конечно, были исключением. Существует печальная статистика уничтоженных фашистами памятников культуры, культурно-просветительных и медицинских учреждений, которые, по их мнению, находились «повсюду в хорошем состоянии. Для школ, больниц, детских домов и спортивных площадок в России было сделано много. Эти учреждения содержались в чистоте и полном порядке».¹⁴ «Плохое обращение с населением оккупированных областей со стороны высших партийных инстанций, - писал генерал, - стремление Гитлера распустить русскую империю и присоединить к Германии большую часть территории России — все это сплотило всех русских под знаменем Сталина».¹⁵

Первые неожиданности. В июле 1941 г. в генеральном штабе все меньше говорили о полной победе над Россией. Ожесточенность боев вызвала большое утомление немецких войск. Генерал Паулюс, тогда «первый квартирмейстер генштаба», осмелился в те дни доложить фюреру, что следовало бы подумать о зиме. Тот пришел в ярость: «Я не хочу больше слушать, эту болтовню о трудностях снабжения наших войск зимой, потому что не будет никакого зимнего похода. Армия должна нанести русским только несколько сильных ударов... Тогда обнаружится, что русский колосс стоит на глиняных ногах».¹⁶

Генералитет вермахта, между тем, начинал сознавать провал собственных методов ведения войны. Кейтель писал: «На Западе, где у противника была чувствительность к флангам и имела малая воля к сопротивлению, можно было совершать широкие охваты. Против русских они не приносят успеха. Русские атакуют крупными силами наши обходящие фланги, связывают силы, предотвращают окружение и срывают действия на уничтожение. Ожесточенным сопротивлением внутри окружения они надолго сковывают наши силы».¹⁷

Месяц боев под Смоленском привел к возникновению множества непредвиденных проблем. Немцы ощутили нехватку продовольствия. Гальдер отмечал: «Нам не удалось захватить хорошую русскую продовольственную базу, ведь первоначальные запасы рассчитывались только на 20 дней. Отсутствовало зимнее обмундирование, о котором уже приходилось подумывать, несмотря на заверения фюрера, что до зимы все окончится. Большие трудности с транспортом из-за недостаточного количества захваченных русских вагонов, которые в большинстве своем приведены в негодное состояние».

Под влиянием этих событий и сведений Гальдер сформулировал 11 августа знаменательный вывод: «На всех участках фронта, где ведутся наступательные действия, войска измотаны. То, что мы сейчас предпринимаем, является последней и в то же время сомнительной попыткой предотвратить переход к позиционной войне... Общая обстановка показывает все очевиднее и яснее, что колосс Россия... был недооценен нами».¹⁸

Особенно тяжелые последствия для вермахта имел просчет в определении резервов

Красной Армии. Германское командование сухопутных сил на 1 августа не имело в резерве ни одной дивизии. Командование же Красной Армии располагало несколькими десятками соединений. Значительные силы находились в процессе формирования.

Другим просчетом нацистов было убеждение в идейной разобщенности своего противника. Генерал Гудериан получил представление о настроениях, господствовавших среди русского населения из высказываний одного старого царского генерала, с которым ему пришлось беседовать в Орле. Он сказал: «Если бы вы пришли 20 лет тому назад, мы бы встретили вас с большим воодушевлением. Теперь же слишком поздно. Мы как раз теперь снова стали оживать, а вы пришли и отбросили нас на 20 лет назад, так что мы снова должны начать все сначала. Теперь мы боремся за Россию, и в этом мы все едины».¹⁹

Восточный фронт: от триумфа до катастрофы. По единодушному мнению гитлеровского окружения Советский Союз был практически разбит уже в июне, и победа вскоре должна была стать полной. Еще 30 июня Гальдер записал в дневнике: «Фюрер считает, что в случае достижения Смоленска в середине июля, пехотные соединения смогут занять Москву в августе... Не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России выиграна в течение 14 дней...». Но триумф Германии был преждевременным.

Август 1941 года - это начало агонии плана «Барбаросса» и теории «молниеносной войны». Но в ставке Гитлера события под Киевом оценили как свидетельство приближающейся полной победы. «Красный призрак, четверть столетия угрожавший Европе, лежит в агонии», - официально заявили в Берлине в сентябре 1941 г. Гитлер говорил помощникам: «Через несколько недель мы будем в Москве. В этом нет никакого сомнения. И тогда я Москву сравню с землей. Я сделаю там водоем. Название Москва должно быть полностью забыто».²⁰

Гитлеровское верховное командование приняло все меры, чтобы развить свой прорыв. На сетования некоторых генералов, что наступает зима, Гитлер отвечал: «Когда наступит русская зима, определю я, а не календарь».

В октябре, ожидая капитуляции Москвы, Гитлер заявил: «Вы поймите, господа, русский медведь мертв, окончательно мертв». Приближались решающие события.

«Войти в Кремль! Промежуточная станция - Красная площадь»,— кричали, как свидетельствует Карелл, вновь воспрянувшие духом солдаты передовых отрядов. «Они стояли на автобусной остановке к Москве. До Красной площади оставалось 38 километров»— читаем там же. «Здесь,— напоминает он,— в 1812 г. был разбит Наполеон». Теперь на бородинском поле упорно оборонялись советские войска. «Они были стойкими, у них не было паники».²¹ Ожидаемый фашистами успех не был достигнут.

С трибуны рейхстага фюрер вынужден был объяснить причины несостоявшегося прорыва. В объяснениях фюрера имелось все: и климат, и грязь, и мороз. Отсутствовало лишь одно — советские войска. С этой речи Гитлера и ведет начало та легенда западной историографии, согласно которой виновником поражения под Москвой был «плохой климат». В эти дни вернулся из поездки по Восточному фронту министр строительства Тодт. Его приятель, а затем преемник Шпеер так изложил рассказанное ему Тодтом: «Он видел стоящие санитарные вагоны, в которых лежали замерзшие раненые, видел бедствующие войска в занесенных снегом деревнях и маленьких городах. Он пережил негодование и разочарование немецких солдат... пришел он к заключению, что мы не только физически не способны к таким напряжениям, но и душевно должны в России погибнуть».²²

Гитлер, уверенный в том, что его воля - главный источник и двигатель истории, говорил о победах следующего лета, которые приведут к полному разгрому России. В немецкой печати уже стали называть Сталинград «Красным Верденом». В газетах писали: «Битва под Сталинградом идет уже семь недель — она, следовательно, продолжается дольше, чем весь германский поход в Голландию, Бельгию и Францию два года назад. Это также показывает, что война снова принимает форму огромных материальных сражений». Наступление немцев застряло. Войска несли небывалые потери.

Ожесточенность боев превосходила все представления о человеческих возможностях. Для гитлеровцев Сталинград стал испытанием всего военно-политического авторитета Германии. В рейхе стали создавать легенду жертвенности. Паулюса сравнивали с генералом Йорком, героем 1812 г. Передавали слова Паулюса: «История именно сейчас выносит свой приговор». Ставка Гитлера провозгласила: 6-я армия отныне называется «Крепость Сталинград». Оккупированные страны с германским центром объявляются «Крепостью Европа», которую следует «защищать против большевистского нашествия». Геббельс объявил: поражение под Сталинградом «психологически укрепило наш народ, каждое слово об этой героической битве войдет в историю!» Он теперь ссылался на призывы Юлия Цезаря к своим солдатам, Фридриха II к генералам, Наполеона к гвардии перед решающими битвами.²³

После катастрофы под Сталинградом гитлеровская верхушка оказалась вынужденной начать реорганизацию вооруженных сил, чтобы приспособить их к изменившейся обстановке. Развитие танковых войск возлагалось на Гудериана. Новые типы танков — «тигр» и «пантера» — все шире поступали в войска. В то время Советский Союз в военно-техническом отношении уже превзошел Германию.

Говоря о советском вооружении, фельдмаршал Клейст заявил: «Советская боевая техника и оружие были отличного качества еще в 1941 году, особенно танки. Артиллерия была превосходной, так же как и большинство видов стрелкового оружия — винтовки были современнее наших и имели более высокую скорострельность. Русский танк Т-34 был самым лучшим танком в мире».

Генерал Мантейфель подчеркивал, что русские сохраняли свое превосходство в конструкции танков до конца войны и что советский тяжелый танк «Иосиф Сталин» (ИС-2), появившийся на фронте в 1944 году, он считает самым лучшим из всех танков, участвовавших в боях как на Восточном, так и на Западном фронтах. Английские эксперты критиковали советские танки за их упрощенную конструкцию и недостаточную оснащенность приборами, особенно радиоаппаратурой. Однако немецкие эксперты-танкисты считали, что, оснащая свои танки множеством приборов и удобных мелких приспособлений, англичане и американцы перегружают свои боевые машины в ущерб маневренности и мощности.

По мнению Клейста, Красная Армия испытывала наиболее острую нехватку оружия в 1942 году, особенно ей не хватало артиллерии. Но, начиная с 1943 года, оснащенность советских войск боевой техникой и оружием непрерывно возрастает. Поставки военного оснащения союзниками — особенно автотранспорта — имели значение, но главную роль сыграл все возрастающий объем производства новых советских заводов в Сибири, недостижимых для немцев. Применявшиеся русскими танки почти полностью были их собственного производства.²⁴

Несмотря на превосходство России в вооружении Гитлер возлагал особые надежды на битву под Курском: «Победа под Курском должна стать факелом для всего мира». Но этот «факел» зажгли не фашисты, а советские солдаты. Американский историк Дж. Толанд пишет о стратегии нацистов на завершающем этапе войны: «Горестной внезапностью для немцев была не удивительная масса резервов Красной Армии, а ее боевой дух. Во время осады Сталинграда Гитлер был убежден, что Паулюс не смог взять город потому, что русские сражались, как дикие животные из джунглей. Но энергия и храбрость этих мнимых «недочеловеков» Востока доказала их превосходство над немцами».²⁵

Германия в 1945 году — «час ноль». Когда театр военных действий развернулся на территории самой Германии, Гитлер отдал «приказ Нерона» — создать всюду в Германии, куда наступает противник, «выжженную землю». При этом он заявил Шпееру: «Если война проиграна, то народ также пропадет. Нет необходимости считаться с теми основами, которые нужны немецкому народу в его дальнейшей примитивнейшей жизни. Наоборот, лучше самим все уничтожить... Те, кто останутся после этой борьбы, будут лишь

ничтожества, все лучшее погибло».²⁶ Но для того, чтобы довести до крайних пределов жесточенность сопротивления, фашистские вожди стали использовать лозунг «Защитим наших жен и детей от красных бестий». С осени 1944 г. стали распространяться слухи о насилии со стороны Красной Армии по отношению к мирному населению Германии, рецидивы которого, вероятно, имели место. Но Геббельс давал следующую установку: «Неважно, что наши утверждения, будто русский солдат Иван убивает, разоряет и насилюет, являются ложными. Главное для нас — это вбить в сознание немецкого народа, что он испытает ужасную судьбу, если попадет в руки русских. Мы должны убедить последнего немца, что для него лучше погибнуть».²⁷

Перед падением рейха идеологи нацизма искали пути его сохранения, обращаясь к идеологическому опыту своего противника – Советского Союза. «Комиссар обороны Берлина» встретился с генералом Власовым, чтобы обсудить личность Сталина, особенности его характера и психологического воздействия на свой народ. Власов характеризовал Сталина как «человека чрезвычайно хитрого, настоящего иезуита, ни одному слову которого нельзя верить». «У большевизма в русском народе до начала войны было сравнительно мало сознательных и фанатичных приверженцев. Однако Сталину удалось при нашем продвижении по советской территории сделать войну против нас священным патриотическим делом, что имело решающее значение. - писал Геббельс.- Власов описывает обстановку в Москве, сложившуюся в результате угрозы окружения поздней осенью 1941 года. Все советское руководство тогда потеряло голову, лишь Сталин продолжал упорствовать, хотя и был уже сильно измотан. Положение было примерно таким, какое мы переживаем в данное время. И у нас ведь есть вождь, требующий любой ценой оказывать сопротивление и также снова и снова поднимающий на это дело всех других. Беседа с генералом Власовым подействовала на меня очень ободряюще. Я узнал из нее, что Советский Союз оказывался в точно таких же критических положениях, в каком оказались теперь мы, и что из этих критических положений всегда существует выход, если ты полон решимости и не падаешь духом».²⁸

Хотя нацисты продолжали надеяться на «чудо», наступало время, которое позже в Германии стали называть «часом нуля». В крови, дыму, пламени завершалась история «третьего рейха». Столица «Великой Германии», задуманная как великолепный центр мира, превращалась в прах и каменную пыль.

Какие же уроки извлекли нацисты из истории Великой Отечественной войны? *Выводы противника из истории «Восточного похода»* были сведены к следующему.

Переосмысление роли Гитлера в истории Германии стало лейтмотивом послевоенных размышлений генералов побежденного вермахта. Осмысливая опыт минувшей войны, многие под иным углом зрения оценили личность самого Гитлера, которого они совсем недавно считали олицетворением нации. «В этом человеке, которого германский народ сделал своим вождем в надежде, что он создаст новый социальный порядок, поможет стране оправиться от катастрофы в результате первой мировой войны, обеспечит спокойную, мирную жизнь, демон побеждал гения. Все добрые духи покинули его тело, он кончил свою жизнь вместе с полной катастрофой своего дела, и вместе с ним в пропасть был повержен добрый, великодушный, трудолюбивый и верный германский народ», - писал Гудериан.²⁹

Признание недооценки потенциала России появилось в дневниках противников еще в первые месяцы военных действий. Вопреки ожиданиям нацистов, невзирая на успешное нанесение первых ударов, советская государственная система не рухнула, а русский народ не воспринял идеи национал - социализма. Стремление к освобождению Родины от захватчиков вызвало патриотический подъем народа. Вся территория вплоть до берегов Тихого и Ледовитого океанов широко использовалась Советским Союзом во время войны в военном и промышленном отношениях. «Недооценка противника всегда приводит к просчету», в частности, как в области людских резервов, так и в области техники.

Отказ от идеи «молниеносной войны» с Россией был спровоцирован затяжным

характером военных действий на Восточном фронте. Немецкие генералы убедились, что исход любых боевых действий, особенно в России, прогнозировать нельзя. Поэтому ни один военачальник не может положиться на успех «молниеносной войны» в России. Глубина и ширина территории, условия погоды и состояние дорог делают ненадежными всякие расчеты, обычные для условий западных стран. Все нападения армий западноевропейских государств на Россию были ограничены сушей и успеха не имели.³⁰

Красная Армия сильнее царской армии, к такому выводу пришли свидетели двух мировых войн. Русский солдат всегда отличался особым упорством, твердостью характера и большой неприхотливостью. «Там, где в истории войн встречаются русские, военные действия носят упорный и беспощадный характер и связаны с тяжелыми потерями. Там, где русский займет позицию или защищается, его трудно победить, и это стоит вам много крови», - писал Блюментрит. - «Красная Армия в 1941—1945 годах была гораздо более сильным противником, чем царская армия, ибо она самоотверженно сражалась за идею. Это усиливало стойкость советских солдат. Дисциплина в Красной Армии тоже соблюдалась более четко, чем в царской армии».³¹

«Следует воспитывать в солдатах такую же твердость и упорство», - отмечал Гудериан. Советское верховное командование продемонстрировало противнику свои способности в области стратегии. Нацисты оценили полководческий талант Г.К. Жукова, твердость и негибкость И.В. Сталина.³²

Побежденные генералы выдвигали умоунизительно – альтернативные планы победоносной войны с Россией. Германия, с их точки зрения, имела шансы на победу, если бы не упрямство Гитлера, который настоял на первоначальном наступлении в сторону Киева, а не Москвы; если бы военные действия начались на месяц ранее; если бы авиация и флот активно взаимодействовали с наземными войсками; если бы немецкая армия имела зимнее обмундирование; если бы в России существовали хорошие шоссе и железные дороги и т.д. Но история не терпит сослагательного наклонения. **Война с Россией - «русская авантюра Гитлера» - не могла быть успешной для Германии. Таков главный вывод противника.**

Примечания:

1. Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 35-38.
2. Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969, т.3. С. 76.
3. Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 291.
4. Hillgruber A. Hitlers Strategic. Frankfurt a. M., 1965. С. 212-227.
5. Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989.С. 287.
6. Carell P. Unternemen Barbarossa. Frankfurt a. M., 1963. С. 31.
7. Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969, т.3. С. 79.
8. Нюрнбергский процесс. М., 1961. Т.7. С. 16.
9. Гудериан Г. Опыт войны с Россией // Итоги Второй мировой войны: Bilanz des zweiten weltkrieges. Hamburg -М., 1957. С.126.
- 10.Нюрнбергский процесс. М., 1961.Т1,с.221; т. 2, с. 582, 584.
- 11.Streit Ch.Keine Kameraden. Stuttgart, 1978. С. 137.
- 12.Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1998. С.207.
- 13.Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1998. С. 242.
2. Там же: С.295.
3. Там же: С. 609.
4. Gerlitz W. Paulus: «Ich stehe hier auf Befehle!». Frankfurt a. M., 1960. С. 49.
5. Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 333.
6. Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969. Т.3. С. 263.
7. Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1998. С. 338.
8. Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 342.

9. Carell P. Unternemen Barbarossa. Frankfurt a. M., 1963. С. 156.
10. Speer A. Erinnerungen. Stuttgart, 1979. С. 200.
11. Fest J. Hitler. Frankfurt a. M., Wien, 1973. С. 910.
12. Лиддел Гарт Б. Что рассказали немецкие генералы. //От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории второй мировой войны. М., 1992. С. 237.
13. Toland J. Adolf Hitler. Gladbach, 1977. С. 960, 961.
14. Fest J. Hitler. Frankfurt a. M., Wien, 1973. С. 999.
15. Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С.545.
16. Геббельс Й. Дневники 1945 года. Последние записи: пер. с нем. Смоленск, 1993.С. 57-59.
17. Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1998. С.613.
18. Гудериан Г. Опыт войны с Россией // Итоги Второй мировой войны: Bilanz des zweiten welttkrieges. Hamburg -М., 1957. С. 137 – 138.
19. Лиддел Гарт Б. Что рассказали немецкие генералы. //От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории второй мировой войны. М., 1992. С. 239.
20. Гудериан Г. Опыт войны с Россией // Итоги Второй мировой войны: Bilanz des zweiten welttkrieges. Hamburg -М., 1957. С.132 –134.